

Е.Ф. Фурсова*

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЫЧАИ СЕМЕЙСКИХ
КРАСНОЧИКОЙСКОГО РАЙОНА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ
(КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВВ.)
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

Статья посвящена выявлению общего и особенного в обрядах и обычаях календарного цикла семейских старообрядцев, проживавших в долине р. Чикой, в конце XIX – первой трети XX вв. в сравнении с общерусскими и сибирскими (западносибирскими) обрядами и обычаями. Автор приходит к выводу о бытовании севернорусского и сибирского старожильского, а также западного (брянско-гомельского) компонентов в традиционной культуре чикойских старообрядцев.

Ключевые слова: этнокультурная память, календарная обрядность, старообрядцы, семейские, Красночикоийский район, Забайкалье

Calendar customs of the Semeiskie communities in Krasnochikoysky District of the Trans-Baikal Territory (late XIXth – first third of the XXth centuries) in a comparative perspective. ELENA F. FURSOVA (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

The article identifies the general and special in the calendrical rites and customs of the Old Believers who lived in the valley of the Chikoy River at the end of the XIXth – first third of the XXth centuries in comparison with Russian and Siberian (West Siberian) rites and customs. The author comes to the conclusion that traditional culture of the Semeiskie communities incorporated the components of Northern Russian, Siberian («old settlers») and Western (Bryansk-Gomel) descent.

Keywords: ethnocultural memory, calendrical rites, Old Believers, Semeiskie communities, Krasnochikoysky District, Transbaikalia

Введение

История формирования отдельных групп семейских в Сибири, а также некоторые особенности их традиционной культуры были подробно рассмотрены в работах Д.А. Ровин-

ского, Ю. Талько-Грынцевича, М.И. Лилеева, А.М. Селищева, В.П. Гирченко, М.М. Шмулевича, Ф.Ф. Болонева, Л.А. Аболиной и Р.Ю. Федорова и др. В отличие от ранее опубликованных работ данное исследование нацелено на оценку

* ФУРЦОВА Елена Федоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: mf11@mail.ru

© Фурсова Е.Ф., 2023

** Исследование выполнено в рамках проекта научно-исследовательской работы ИАЭТ СО РАН «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм» (FWZG-2022-0001).

глубины этнокультурной памяти путем выявления общего и особенного в обрядах и обычаях календарного цикла старообрядцев, проживавших в долине р. Чикой, в конце XIX – первой трети XX вв. в сравнении с общерусскими и сибирскими (западносибирскими) обрядами и обычаями.

Первые русские населенные пункты (заимки) появились вдоль р. Чикой и на прилегающих территориях уже в конце XVII – начале XVIII вв. Сюда по указу 1760 г. «за провинность», «в зачет рекрут» высылались помещичьи крестьяне, а в 1764 г. насильственно были переселены старообрядцы с западных рубежей [4, с. 21]. Сторонники старой веры в момент насильственного переселения в Сибирь с территории бывшей Речи Посполитой в 1760-е гг. были неоднородны по своим местам выхода (современные Московская, Новгородская, Белгородская, Воронежская, Смоленская, Нижегородская области) [5, с. 114]. Судя по собранным сведениям, ранее в исследованных селах преобладала беглопоповщина, видимо, занесенная со времен бегства старообрядцев со Стародубья на Ветку и их последующего выселения с Ветки в Сибирь (Полевые материалы автора, далее – ПМА. 2007, 2016 гг.).

Идентичность семейских в селах Красный Чикой, Барахоево, Малоархангельское, Архангельское (Кочен), Нижний Нарым и др. основывалась на авторитете наставников («дьячков»), заветах своих родителей и памяти о «формах жизни» своих семей. Те, кто до сих пор отказывается посещать официальную церковь, мотивируют это своим воспитанием, верностью данному родителям слову: *«И вот я за то и в церкву не хожу, я говорю, буду по своей. Как уж раньше воспитана была, так и буду»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.¹); *«На исповедь мы не ходим, тут некому исповедоваться, церкви у нас нет. Церква в Чикое есть, но она не нашей веры. У нас родители так говорили: “Свою веру не продавайте. Какая она есть, на другую веру не переходите”. Наша вера православная»* (ПМА. 2010 г. Сетова А.Е.). Старшее поколение еще молилось по лестовкам, но сейчас местные жители уже их не имеют, как и не пользуются ковриками для молитв («подручниками»), утверждая, что у них никогда их не было.

Отличительными чертами своего образа жизни («веры») чикойские старообрядцы назы-

вают «правильное» крестное знамение, сохранение старинных икон и богослужебных книг. Пожилые люди, пережившие многие события за более чем 250-летнюю историю своих семей в Сибири, считают себя уже местными старожилами. Н.Н. Андриевская рассказывала: *«Они здесь испокон века, семейские, как сюда выселили, прикочевали. Как они сюда попали, не вспомню. Каво теперь я вспомню, 82 года. Мой дедушка родился в Барахоево, его отец тоже в Барахоево родился...»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.).

Все семейские, несмотря на встречающиеся фамилии польско-белорусского типа, считают себя русскими («не поляками»), помнят и о том, что в Сибири оказались «во время оно», «не по своей воле». *«Ссылали в те года откуда-то, тут семейские поселялись, тут леса были. Ниче тут не було. Леса были, вот строились, пораспахивали, сажали, сеяли. А че сеяли? Сначала достали где-то картошку, потом достали зерна и стали разрабатывать поля. Сеяли, ярица называлась, ячень и пшеница. Ярица – это рожь. Мы лен-то не сеяли, а коноплю сеяли»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). В селах Новоархангельское и Барахоево встречались информанты, которые высказывали сомнения в своем исконно русском происхождении, объясняли особенности своего характера и диалекта тем, что они «наподобие хахлов» (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.).

Информанты считали, что семейские отличались от сибиряков (так семейские называют всех сторонников официальной православной церкви) диалектными особенностями речи. Эти различия прослеживаются до настоящего времени, хотя те и другие длительное время проживали в одних селениях (например, в Архангельском жили и семейские, и сибиряки). *«Сибиряки – у них разговор совсем другой. Мы-то говорим “легла”, а они “лягла”, “бегла”, да “сажала”, а мы – “садила”. “Айда” говорят»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). Сильное негативное отношение вызывала привычка сибиряков курить, что приравнивалось к отступлению от православной веры: *«Курют, а семейские не курют. ... Из одной чашки с сибиряками не пили. Вот что, навроде, не положено. Особенно кто курит»* (ПМА. 2010 г. Филиппова З.А.). Более тесное взаимодействие и

¹ Подробные сведения о ключевых информантах приведены в конце статьи.

² Традиция шить конопляную одежду характерна для украинцев, для русских или белорусов традиционными являются льняные ткани.

сотрудничество сложилось во время организации колхозов и в годы Великой отечественной войны (1930-е – 1940-е гг.). Показательно, что и сами семейские различали друг друга по этнокультурным характеристикам. Так, старообрядцы с. Архангельское (Кочен) отличали себя от «захребетных», как звали семейских с. Бичура, которые, считалось, по-иному повязывали платки, носили одежду (с подтыком, например, сарафана сзади), хотя традиционный комплекс был одинаковым.

Календарные обычаи в этнокультурной памяти: общее и особенное

Часть календарных обычаев семейских, приуроченных к христианским праздникам (в их числе – приметы о будущем урожае), совпадала с общерусскими. Например, в день Св. Евдокии (1 марта) приглядывались к состоянию погоды. Если были оттепели и «воробей напьется», то считалось, что год будет урожайным и хорошим во всех отношениях. Вместе с тем, часть видов хозяйственной деятельности и связанных с ними примет в годовом цикле Восточной Сибири была сдвинута примерно на десять и более дней в сравнении с Европейской Россией и Западной Сибирью, что можно объяснить местными природно-климатическими особенностями: более суровым климатом и относительно поздними сроками созревания растений. Так, например, сроки заготовки березовых веников для бани были сдвинуты примерно на десять дней и приурочены не к Пертову дню, как в Западной Сибири, а ко Дню памяти Св. Прокопия Устюжского (21.07. н.ст.). *«Веники березовые – до Ильина дня надо ее (березу). Прокопьевы дни пройдут, до Ильи. Наша мама так говорила: “Червяк с березы уже уходит, осыпается, вот надо их ломать и вязать”»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.)³.

Очевидно, что времени сбора березовых веников уделялось особое внимание, так как собранные в неурочное время они могли нанести вред человеку, который ими парился. Например, под Троицу полагалось париться еще старым веником, а потом уже можно было ломать веники до Ильина дня. Люди старшего поколения оставляли своим детям поучения на эту тему. Приведем, например, рассказ нашего

информанта: *«Мне мама говорила: “Пошли мы в лес, я наломала веник, под Троицу вымылась и напарилась. А потом у мене сыпь высыпала, и ниче я с ней сделать не могу. Богу помолилась, да говорю: “Батюшка святой милостивый, подскажите, чем мне теперь полечиться? Я же поняла, что сделала не ладно”. А потом спать легла. Приснилось во сне, говорит голос: “Теперь веники ломаются до Ильина дня, а ты на Ильин день наломай и вымойся, и у тебя все пройдет”. Так и получилось. Это ей сказала во сне какая-то женщина. И мама говорит: “Это я уже не то что от людей слыхала, а со мной было”. Может быть, Богородица ей приснилась. Веник-то тоже надо знать, ломать когда»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

Зимне-весенние календарные обычаи

Несмотря на отрицание дохристианских обычаев и строгость поведенческих правил, обусловленных приверженностью старой вере, в Красночикойском районе святочные обходные обряды совершались ряжеными, которых называли, как и во многих местах у старожилов Западной Сибири и Русского Севера, «шуликанами» (варианты – «шулюканами», «цыганамии») [7, с. 91]. Ряженые выворачивали шерстью вверх шубы, подвешивали бороды, мазались сажой и губной помадой (красной краской). Распространенными персонажами были «цыгане», «медведи». Сходные зооморфные маски и ряженья фиксировались Ф.Ф. Болоневым, однако исследователь не упоминал местного обобщающего названия ряженых [3, с. 80].

Во время Святков под Старый Новый год ряженые ходили по домам, дурачились, развлекали хозяев пением и плясками, просили угостить, в том числе угрожая что-нибудь испортить в хозяйстве. Угрозы слышались в незатейливых припевках: «Колядинка, коляда, подайте пирога. Не дадите пирога, мы корову за рога». Накануне Рождества подобные развлечения и ряженья исключались. Имитации посеваний зерном, отмеченные Ф.Ф. Болоневым у семейских Большого Куналея [3, с. 48], в чикойских селах не зафиксированы.

Хозяева обязательно дарили – в зависимости от своих возможностей – конфеты («кто побогаче»), семечки, бутылки кваса. Алкогольные напитки («самогонку») молодежи не подавали, считая это безнравственным поступком. Собрав у односельчан угощение, рядившиеся собирались на «пир», который проводили у кого-либо

³ В Западной Сибири местные старожилы также отмечали День памяти Св. Прокопия Устюжского, но общими гуляниями и трапезами.

в избе. *«Вот потом начинается пир горой. И мясо, и сало, и жареное. Кто че мог. Собирали в мешки из конопли. Наливали самогонку»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.).

На Святки гадали, в основном девушки на выданье. Особым гаданием, характерным для семейских и отличавшим их от старожилов Западной Сибири, было гадание с водой: *«Воду ставили, наливали под Новый год. Сколь чашку нальешь до краев, она, може, испарялась. Утром встаем, смотрим: она убыла или прибыла? Убыла – значит кто-то замуж выйдет. Прибыла – значит женятся. Под красный угол ставили стакан с водой, то есть тоже гадали»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). Для девушек на выданье была важна определенность: хотелось знать, в какое время выйдешь замуж, т.е. ждешь ли замужества в текущем году, и откуда будет жених. Чтобы определить, откуда ждать жениха или в каком направлении выйдет замуж девушка, по общерусской традиции бросали со двора обувь – «обутки» (не валенки). Необычным можно считать выбрасывание дуги: *«А дугу вот выбросишь через ворота, куда она концами, туда или сюда упадет, туда замуж выйдешь. Через себя бросали, ну»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). Здесь было известно также «выпускание куриц домой» под Новый год, когда следили за поведением петуха: «если начинал клевать зерно, то выйдешь замуж, если нет – не выйдешь» (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.).

Так как, по мнению семейских, в их селах никаких колдунов и дурных людей не проживало, то не было и традиции «закреплять угольками» дверные и оконные проемы накануне Крещения⁴, что имело место, например, у сибиряков, в том числе чалдонов. В начале XX в. воду святости в р. Чикой в 6 часов утра, поэтому у некоторых представителей старшего поколения вызывает неприятие новый обычай освящения воды в 12 часов ночи. Они приводят в подтверждение своих рассуждений слова родителей: «Раньше говорили: последний день святок – черт в луже купается, перебарывает, а у нас идут воду святить и домой тащить».

Примерно до середины XX в. речную воду по старинке набирали впрок из проруби в присутствии наставников. *«Святят на речке, туда ездят дьячок, старухи какие. На Чикой. Сейчас-то не освящают, а раньше также и ходи-*

ли, молились, купали хрестами. Хрестиком купали, и все. А сейчас-то этот (дьячок. – прим. авт.) помоложе, он же не учился, самоучка, он только и может читать, что отпевают покойников, а остальное-то я не знаю» (ПМА. 2010 г. Филиппова З.А.).

В настоящее время для забора воды не делают прорубь, а берут воду из родника, который не замерзает зимой. Похожие изменения в отношении мест сбора воды наблюдаются в России повсеместно. Из-за плохой экологии и загрязнения рек люди стали запасать родниковую, а не речную воду. Этот обычай активно поддерживается не только пожилыми людьми, но и молодежью, поэтому сельские жители ездят набирать святую воду семьями, с детьми и внуками. Встречаются пожилые женщины, которые сами святят воду по примеру своих родителей: *«Как мама че делала, так я воду сама посвячу, тоже вот молиточки эти прочитаю и посвячу, иконочку покупаю, покажу ее. Так же вот кастрюлю большую наливаю и разливаю. А потом, когда станеть худо, я помоюсь даже и побрызгаю в избе...»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Информанты старшего возраста еще хранят в памяти время, когда не было обычая купаний в проруби. Однако сейчас такой обычай распространился в России, на Крещение его можно наблюдать и в Красночикоийском районе на местном озере (местн. «запруда»), где заранее вырубают прорубь.

Приверженность старой вере не мешала семейским активно отмечать Масленицу (местн. «Масленка»). Как и в Западной Сибири, достойно отметить Масленку можно было катаниями с гор, на конях, санях, разжиганием костров. Соблюдались запреты на хозяйственные работы, относившиеся к категории «грязных» (стирка, уборка). В катаниях с гор, которые еще в 1920-е гг. носили ритуальный характер, принимали участие дети, молодежь и пожилые люди: *«На масленку кататься ходили на катушку, там, с горы и под горой. А гору обливали водой, круто там. С четырех часов все передеваются, наряжаются, берут сани – у кого большие, у кого маленькие, и все идут туда. Лоток делали, обмазывали его навозом, замораживали... Пожилые катались и дети»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). Информанты особенно подчеркивали, что главными участниками катаний с гор были молодожены. Катания были связаны с барахтаньем в снегу, для чего опрокидывали сани, особенно если в них катались девушки.

⁴ Это утверждение, однако, не всегда подтверждается другими информантами, которые рассказывали, как умирали колдовавшие люди.

Всю неделю катались по деревне в санях: пожилые мужчины катали детей и внуков, юноши – девушек, которые пели песни под гармонь. Особенно красочно выглядели сани, запряженные конями, которые украшались по этому случаю колокольчиками и предметами женского рукоделия. Нарядно выглядели дуги конских упряжек с прикрепленными к ним колокольчиками, разноцветными лентами, вышитыми полотенцами, поясками: *«Еще колокольчики наденут: по улице едут – они звенят. Вот на дугу ленты наряжали, потом дугу обовьем. И пояски подвязывали. И полотенце, один повешаем посредине на оглобли, через коня и на оглобли, чтобы это, виднолось, и прицепим чем-то, вязочками... Конь украшен. Штобы с кружевами было полотенце-то. Кататься поедем с гармошкой»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

По сибирскому обычаю, в чикойских селах устраивались конные бега верхом среди молодых мужчин, а именно – парней-«женихов». Состязавшихся называли «женихами» по причине того, что они в массе своей были неженатыми. *«И ходили кататься вообще-то всю неделю, кто на конях, кто верхом, кто на запряжке»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). К бегам готовились как спортивному празднику, участники надевали красивые одежды, украшали лентами коней в красивой сбруе. Молодецкая суть праздника выражалась в украшении всадников нарядными гарусными (шерстяными) поясами: *«Это гарусные кушаки были, старинные, их привязывали. Жениха наряжали с обоих концов, чтоб, на коне бежит, чтоб оне колыхались. Один пояс, а концы вот так воткнут, они длинные. Он на коне скачет, а они развеваются»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). В морозы бегали по замерзшей реке, усложняя тем самым соревнования. Заслужившего честь юношу приглашали в дома односельчане, поэтому он и его друзья «ходили по гостям», особенно в семье с девушками на выданье.

С распространением советских сценариев праздника «Масленица» стали «по указке свыше» готовить и сжигать чучело даже там, где этого никогда не делали. Большинство информантов вспоминало, что ранее таких обычаев у них не существовало, но повсеместно жгли костры, в которых сжигались ненужные, старые вещи. *«Костры на Масленицу жгли. Там все, под горой. Один костер наложут пораньше, хламу всякого, и зажигают. Дрова, и солому, и все на свете»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

Развлечением, одновременно с загадыванием желаний, являлись прыжки через костры. Если парень приглашал нравившуюся девушку прыгнуть вместе, взявшись за руки, то смотрели, разомкнут ли они руки или нет. *«Прыгали через костер. Это отдельно маленький костер с соломой делали, солома горит, вот прыгали. Прыгали по одному парни, девки, уже и замужние прыгали. Если разомкнут руки, значит все, вместе не будут»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

Масленичная кухня имела отличительные особенности: во-первых, как предпостная она не предполагала мясной пищи, во-вторых, включала выпечку блинов. Блины ели со сметаной, маслом, молоком. *«Блины были и на дрожжах, и пресные, кто как мог. И на молоке»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). В качестве обязательных масленичных блюд информанты называли яичницу, самодельную лапшу, которую делали из тонких коржей, резали кубиками и заваривали кипятком или молоком. Из блюд местной кухни можно указать на «драченые», которые выпекали в русской печи. Информанты так рассказывали про это масленичное блюдо: *«Драченые – тесто да яиц туда много били. Их пекли как лепешки в русской печи. Щас-то каравай зовется, а у нас – драченые. Они круглые были, таких средних напекут [показывает примерно 25 см в диаметре]. Бывало встанешь, она как жар горит драчена»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). У семейских не было принято заговляться пельменями, которые считались «сибирским блюдом», но в Прощеное воскресенье накануне Великого поста готовили яичницу. С наступлением Великого поста все скоромное убирали или скармливали домашним животным.

Как и все православные люди, к Вербному воскресенью чикойские старообрядцы собирали букетики вербы и устанавливали их около икон. Отличие семейских традиций, по нашим наблюдениям, заключалось в существовании обычая втыкать эти букеты в ворота, где они и оставались на весь год, пока не сломаются и не оголятся веточки (аналогичны наблюдения Л.А. Аболиной и Р.Ю. Федорова [1, с. 163]). *«Это, дескать, Господь охрану послал, ото всего, каждые ворота»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). Охранная функция вербы хорошо известна в Западной Сибири, где ею похлопывали людей, скот во время первой выгонки [7, с. 203].

Под Николу Вешнего чикойцы наблюдали за кукованием кукушки: считалось, что с этого дня она начинает куковать и предсказывать продол-

жительность жизни. Однако, чтобы птица действительно правдиво пророчествовала, нужно было снять с себя пояс и обвить им дерево (информанты указывали на осину). Приведем рассказ на эту тему, события которого относятся к середине 1960-х гг.: *«Загадывали, сколько лет проживет. Мы шли с Гутаю⁵. Мама стогом пошла, а мы с Полиной пошли рядом. Услышали кукушку. Надо кушак с себе снимать, мама в сарафане ходила. Она кушак-то сняла, ну и осину эту обвила, где сидела кукушка. Стала года-то спрашивать, ну и она ей куковала, куковала, и тут я ее спугнула. А мене, главное дело, показалось, что какая будто старуха прошла. Не дала так путем дослушать года. Ну, она много ей накуковала, и она много лет прожила»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Птица-пророчица исчезала также внезапно, как и появлялась: *«Кукушка под Николу кукует. А вот так говорили: “Как овса напьется, как овес начинает спать, так вот она бросает куковать”»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

Как и повсеместно у русских, соблюдались жесткие запреты на работы в праздник Благовещение – прежде всего, прядение, мытье, стирку, купание в бане. Как вспоминали пожилые женщины, семейские избегали даже ехать куда-то. В этот день также не брали «в солдаты» (считалось плохим знаком). В ходе полевой работы от информантов обычно приходилось слышать общерусскую поговорку, что в этот день «птица гнезда не вьет, девица косы не плетет». Как и повсеместно, приводилась в пример кукушка, которая свила гнездо в праздник Благовещения «и за то осталась без гнездушка». В детстве многим рассказывали, что это «проклятая птица и у нее лапки разного цвета», что, как будто, служит подтверждением ее необычного состояния. В ходе сбора полевых материалов не были зафиксированы обычаи «закликанья весны» или выпечки птичек в день Сорока мучеников.

Весенне-летние календарные обычаи

К Пасхе тщательно готовились, соблюдая Великий пост, пищевые и поведенческие запреты. У семейских не зафиксирован обычай «давать задания курам» во время поста, подобно старообрядцам юга Западной Сибири [7, с. 223]. Основные ритуальные приготовления выпадали на Чистый четверг Страстной недели, когда надо было выполнить различные виды хозяйственных работ, «пошерудить» (потрясти,

потрогать) продовольственные запасы, чтобы потом «весь год все было и спорилась работа». В Чистый четверг красили яйца луковой шелухой, луковым пером. Если кто-то все же не успевал, то делали это в субботу. Как и в Новогодье, в Чистый четверг совершали разные магические действия в надежде, что это будет повторяться весь год: сила магии была основана на вере в значение определенных дней для обеспечения благополучия.

Р.С. Овчинникова рассказала об обычае есть в Чистый четверг свинину. Этим обычаем семейские отличались от русских и вообще православных христиан, в том числе Западной и Восточной Сибири. При этом пост держали до четверга и два дня после: *«Если кабаны есть, надо в четверг заколоть. Поросят держали, а вот так же не ели мяса, а вот в Чистый четверг били по поросенку, готовились к Пасхе. И вот дадут даже, нажарят, поесть давали в Чистый четверг. А потом опять два дня совсем никого не давали, не ели такое, только постное»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Возможно, этот обычай являлся рудиментом дохристианской новогодней обрядности, которая до XVI в. была связана с весенним новолунием и равноденствием [6, с. 625].

Перед самым большим христианским праздником наводили порядок не только в домах, но и во дворах, в огородах. Те, кому это позволяли финансовые возможности, красили дома снаружи. Из домов выносили ткацкие станки – «кросна», которые накрывали передником-запоном: *«Все, самопрядку еще вынесут и запоном накроют. Вот почему-то запоном...»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Многие очистительные мероприятия приурочивались к Страстной пятнице. По этому поводу информанты рассуждали так: *«В пятницу очень строгий пост, самая же грешная пятница. Сильно постились, ели постную еду – капуста, лук, картошка, постное масло»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.).

Большое значение в приготовлении ритуальных блюд придавалось выпечке красивого круглого хлеба – «куличей». Куличи из сдобного теста выпекали в больших или малых формочках, однако выпечку хранили до Светлого Христова Воскресения. Выпеченные хлеба семейские, как и другие православные, украшали крестами и ягодами или конфетами (карамельками): *«Сверху делали украшения из теста, ягод. Добавляли в кулич яйца, масло. Изюм не делали, это сейчас. А в те годы какой изюм? Наката-*

⁵ Левый приток р. Чикой.

ешь тесто, как палец, потолще или потоньше, и нарежешь рисунок. И клали крестом, а потом вкруговую. И ягодки или конфетки тыкали. Землянику, у кого есть – бруснику, клюкву» (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.).

Приготовленные ритуальные кушанья освящались утром на Пасху. Современные пожилые старообрядки вспоминали, что после закрытия молельных домов святить яйца и куличи приходилось самим. Собственно, условия жизни столетиями гонимых старообрядцев способствовали выработке особых обрядов без участия священнослужителей. Использовалась вода как проводник святости от некогда освященных предметов (икон, крестов): «Сами святители святой водичкой. Сделаем кисточку с соломой или щеточку. Покупаешь эту икону в воде, потом брызгаешь. Воду брали из колодца своего, икону чтоб покупать. Опускали туда икону, а потом этой водой брызгали и в доме, и в огороде, и пекли, варили, и в колодец даже эту воду потом сливали» (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.); «Крест медный купали в воде, я вот отдала дочке его, сейчас нет у меня. Им-то еще ловчей [освящать. – прим. авт.]» (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). Освященные кушанья съедали до последнего кусочка или скармливали птицам. «Если не съедают яйцо, курицам надо скормить. Надо, чтобы не выкидывали никуда, а пустили в пользу. В печку его не кидали и в огород не закапывали» (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.).

Накануне Пасхи ходили в старообрядческую церковь: «Перед Пасхой ходили в церковь. Я-то ее не захватила... Всегда вот мама говорила, мы ночь молимся, а в полшестого батюшка скажет: “Пойдемте, пройдем кругом церкви”. И вот мы, говорит, кругом пройдем. “Ну, идите теперь, дома мойтесь, и молитесь, и разговляйтесь”» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

Всю пасхальную неделю соблюдались запреты на хозяйственные работы: «...Ниче неделю не давали делать на Паске, даже стирать, мыть не давали. А под Паску одежды-то вольной не было, вот в бане вымоемся, в избах выпрешься и тут же постираем, полощем» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

В первый день Пасхи ходили на кладбище, как поясняли старообрядцы, христосоваться с умершими родственниками (обобщенно их называли «родителями»): «Прямо на первый день Паски идут, все кланяются, яичечки несут, кладут своим покойничкам, всем по яичку кла-

дут. Например, нонче никуда на Троицу не ходят у нас, а на родительский день все время ходят» (ПМА. 2010 г. Черепанова В.Ф.).

У семейских не фиксировались распространенные в Западной Сибири обычаи смотреть «игры солнца» на пасхальной заутрени, хотя люди старшего поколения слышали об этом от других, видимо, сибиряков, но сами не принимали участие.

Обычай разговения у семейских отличался от наблюдаемых у других православных христиан Сибири. Разговляться начинали яйцом, сохранившимся с прошлогодней Пасхи, а потом уже ели новые и затем праздничный хлеб-«паску» или кулич. Р.С. Овчинникова рассказывала: «...Вот с икон снимали на божнице старое (прошлогоднее) яйцо. Оно иной раз бывает и сухое, а вот нынче сильно полное было, тяжелое. Мама его вынет, разобьет, вычистит и помаленьку, по крошечке нам даст. И хлебушка, который вот на Пасхе клали, который год стоял, давала. Яичко не все съедали, а по крошечке давала» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Считалось, что надо положить вновь освященное яйцо на божницу, прежде чем разговляться. «И вот на Пасху надо, прежде чем есть, положим яйца на божницу. Есть люди, на Пасху одно яйцо кладут. Нельзя, говорят, одно-то яйцо, голодный человек будет. Надо класть яйца на божницу. От паски отрезали крошечку и сразу брали яйцо, и вот Богу помолются и ложили. Новенькое лежит. А хлебушко моя мама снимала потом, она берегла» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Кусочки пасхальных куличей берегли и использовали для причастия крестившихся детей. Мать Р.С. Овчинниковой крестила детей и затем давала им кусочки пасхального хлеба.

Родители не разрешали детям стучаться за столом яйцами, играть и развлекаться можно было только на улице. Запрещали разбивать яйца об стол или железной ложкой, ложку можно было использовать только деревянную: «И вот ложечкой деревянной разбивали, и вот разговеемся, а играть уж пойдем, вот уж там-то и стучались. Стучались и катали, а за столом не давали» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Пасхальная праздничная неделя многим вспоминается катаниями яиц, в которых принимали участие как мужчины, так и дети. Мальчики играли во дворах, яйца катали и по желобкам, и на расстеленной клеенке по принципу «кто чье ударит». Играли и в другие подвижные игры, на-

пример, в лапту. Р.С. Овчинникова вспоминала: *«У нас там бугор, и бугор весь в народе. Потом такие зарютца на нас, на молодых, да еще молодожены-то к нам припрягутся, и много нас. Ну, это, песни-то мы пели, разные, хороводы водили»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

Было принято припасать к празднику яркие нарядные сарафаны (Рис. 1) и шали, детям шить новую одежду. На празднике преобладающими расцветками одежды у девушек и молодых женщин были оранжевая, красная, зеленая, малиновая, бирюзовая и пр. *«Бугор-то просто весь разрисованный. Яркие одежи носили. Нам охота было уж сарафаны одевать. Мене было где-то лет десять, кода я в школу пошла, вот я его и берегу. Красный с двумя лентами у мене. Ленты все брали: алые, синие, зеленые, какой цвет был, черные, всякие были. Надо, чтобы разнообразие было»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

Рис. 1. Семейские женщины в нарядных костюмах. Архив музея «Дом-усадебя семейского крестьянина», с. Архангельское, Красночикойский р-н Забайкальского края

До недавнего времени бытовал обычай взаимного посещения семей родственников и знакомых всю пасхальную неделю: *«У одних пришли, помолвились, сели, по рюмке выпили, пели. Ну, например, подружки были, я к себе приглашаю: “Ну, теперь прошу я вас к себе, мой дом посетить, проведывать”. Заходили, говорили: “С Пасхой Христовой!” “Христос воскрес!” – говорили, пели»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). К праздничному столу жарили поросят, варили холодец, куриный суп-лапшу и пр. Сибирские пельмени готовить было не принято.

В начале XX в. праздник Троицы праздновали, т.е. не работали три дня (в период колхозного строительства время празднования сократилось до двух дней). Особенно почитали Духов день,

т.е. второй день Троицы. К празднику украшали свои дома цветами, а полы застилали травами: *«На Троицу траву бросали по полу. Вот в субботу вымоем в избе, и я иду за травой. Пойду, нарву и все застелю в избе и на веранде. Букетики цветов ставили»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Как и накануне других двенадцатых праздников, под Троицу мылись и парились в банях.

К празднику Троицы, как и повсеместно в России, семейские девушки предварительно договаривались между собой и собирались вместе, что называется, «кумиться». Но, в отличие от западносибирских старожилов, после обряда кумления «кумушками» друг друга не называли, подарками не обменивались, не целовались, не делали из трав «кукушку», как это было у курских переселенцев Сибири.

Своеобразным в сравнении с другими сибирскими старожилами был у семейских обряд, называемый «топить кумушку», в котором роль кумушки играла молодая береза. Для проведения праздника выбирали обязательно березняк, где можно было подыскать подходящую березу и росли цветы с желто-золотистыми цветками – «жарки». Приведем рассказ Р.С. Овчинниковой: *«Вот мы на Троицу ежли пойдём, вот называли же “кумиться”. В лес, березовую рощу пойдём за хребет... У нас там сильно много жарков, и у нас там светлый ключ бежит. Вот мы туда ходили, на этот ключ. Мы березку срубим, жарков нарвем, березку нарядим жарками, а ниток с дому возьмем. И потом яшню нажарим, кто че с дома настряпанное принесет, кругом садимся все, девушки, кушаем»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Обращает на себя внимание отсутствие воспоминаний о завязывании на березе ленточек. В лесу девушки проводили целый день: не только трапезничали, но и пели, водили хороводы, играли в «ручеек». Из хороводных песен информанты вспоминают «С гор под горку подымает...», которую считали веселой, свадебной, про девушку-невесту. В 1950-х – 1960-х гг. в коллективах девушек присутствовали и парни, особенно желанными участниками были умельцы играть на музыкальных инструментах – баянах, гармошках, балалайках.

После трапезы уже только одни девушки несли наряженную березу на ночь домой, а на следующий день, ближе к обеду, ее с почетом проносили по деревне к реке. Прежде чем топить березку, ее «разнаряжали», т.е. убирали жарки: *«Домой принесем, на веранде в ведро воды поставим, чтоб не сваяла за ночь. Еще больше наря-*

дим, браво. А на завтрева, в Духов день, где-то в обед, заплываем на посеред Чикоя и опускаем ее, говорили: “Пошли топить”. Там старушечьи песни поют свои какие-то, кто Богу помолится, и нас проводят, мы заплывем с песнем. И до половины Чикоя доплывем на лодке и отпустим. Мы с ней-то снимали жарки, а потом их бросали туда же, за кумушкой, в реку. Почему-то старушки не давали нам наряженную ее забрасывать» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Березу топили вместе с ее украшениями, принадлежащими уже ей после обряда, подобно тому как топили в реке «май» белорусы на этнических территориях и белорусские переселенцы в Сибири. Как вспоминали информанты, пели песни, когда шли и от реки, и к реке, например: «Развивайся ты, береза...», «Я мороза не боюсь, придет время, разовьюся...». В одних местах, например, в с. Архангельское (Кочен), бытовал обычай заламывать березу и загадывать на исполнение желаний, в других этого не делали (например, в Нижнем Нарыме).

Так как народа собиралось много даже в небольших деревнях, например, Нижнем Нарыме, то получалось водить по два хоровода-«круга». Старушки, которые приходили на праздник, одевались не менее нарядно, чем молодежь. Нарядных женщин сравнивали с маками – «как маковки наряжались». Девушки тоже «браво ходили»: не только наряжались в лучшие наряды, но и прикрепляли дополнения в виде «монист жемчужных». «На Троицу два (вариант – три) дни гуляли, “кумушку” ходили топить девчонки, ну надо же было девчонкам нарядиться. Вот мониста жемчужные наденуть, монистов сколько было» (ПМА. 2010 г. Куприянова В.П.). В отличие от белорусских и украинских переселенков Сибири семейские девушки не плели троичских венков, но прикрепляли цветы к головному убору и сарафану: «А веночки не одевали, у нас не было такого. А так наряжались, оботкаемся, платочки же носили, не давали голову, чтоб нам так ходить. ... Подворачиваем [платок. – прим. авт.], вот мы суда их [жарки. – прим. авт.] наторкаем, и тут на булабочке, на платьюшке, и вот наряжали, сами себе этим наряжали» (ПМА. 2010 г. Куприянова В.П.).

По народному обычаю практиковались взаимные посещения всех односельчан – не только родственников и соседей, но и знакомых, что называлось «ходить веревочкой». «Они же соберутся “веревкой”, а всех же за день не обойдешь, а мода была такая, чтоб в ка-

ждом доме побывать. В этот дом придут, угостятся, пошли в другой дом» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Р.С. Овчинникова вспоминала, что слыхала от своих родителей про коллективное исполнение «вождения стрелы», но сама не видела.

Чтобы показать селянам, что угощение готово и семья готова принять гостей, разжигали около своих дворов костры. По сибирскому обычаю выносили из дома горящий самовар, чтобы показать намерение напоить чаем. «Вечером поздно вот зажигают соломки маленько и встречают гостей. Зажигают коло ворот, показывают, что ждут гостей. Еще заслонку вынесут, щипцы, в самовар которыми угли кладут, и еще играли, встречали гостей» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). В 1920-х гг., после Гражданской войны, праздники сопровождалась игрой на балалайках, гармониях, селяне много пели и плясали «Подгорную». В семьях, где в роду были утопленники и удавленники, накануне Троицы ходили поминать их на кладбище.

У семейских Красночикойского района Забайкальского края бытовали купальские обычаи, которые отличались от западносибирских – и старожильческих, и переселенческих (в т.ч. белорусских и украинских). На рубеже XIX–XX вв. на Купалу не были распространены известные в Западной Сибири обливания, но, так как праздник был тесно связан со сбором трав, этот день назывался у семейских Иваном Травником. Р.С. Овчинникова вспоминала, что обливались на Купалу тогда, когда купались в реке Чикой: «В детстве мы обливались, если купались, то один другого обливает. Так соберемся порой, вместо игры, это все делали» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Как и все сибиряки, Ивановым днем семейские открывали купальный сезон: считалось, что после этой даты это занятие становилось безопасным [2, с. 194; 8, с. 80].

Среди информантов практически отсутствуют воспоминания о разжигании купальских костров: «На Купалу крапиву клали, ну, молились старые. Костры сильно-то у нас не жгли, не было такого. У нас обычно гуляют, шутят. В гости идут если вечером поздно, соломки маленько положат, подожгут» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Бесчинств со стороны молодежи в Иванову ночь в семейских селах не наблюдалось, как и поверий, связанных с активностью существ низшей мифологии (например,

русалок), бытовавших, по нашим наблюдениям, у западносибирских старожилов этого периода. Следует все же отметить осторожные действия на Иванов день, включавшие заготовку крапивы, которую втыкали в местах т.н. «пограничья» внутреннего и внешнего пространства (в воротах, дверях и пр.).

Вера в силу растений и их помощь пережиточно сохранились в обычае «поиска папоротника», который предпринимали ночью накануне Ивана Травника. *«Он у нас там сильно круто, его не найдешь, ночью искать. Тут-то у нас этот Леша, умер уже, что кушак-то мне подарил... Пробовали они, ходили. Но, говорил, не могли найти. Не могли попасть. Как будто дерево падает – и не допустили. Так папоротника и не увидели. Цветет под Ивана, только один день цветет. Только сегодня ночью надо искать... А вот, говорят, что если его найдешь, очень жить будешь хорошо, богато»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Считалось, что священное растение покровительствует не всем, но избранным, ведь из рассказов следует, что «что-то» не пускало некоторых искателей счастья подойти и сорвать цветок.

Особое внимание уделялось сборам богородской травы. В.П. Куприянова из с. Малоархангельское вспоминала, что эту траву собирали накануне Купалы, т.е. 6 июля по новому стилю: *«Я богородскую траву нарву, где девкам нарву, покойникам в подушечку кладу. Богородской травой мы не кадим, а верцем, верцем надо кадить. А вот в кедровнике растет верец [вереск. – прим. авт.], маленький такой, вот у меня веточки есть, покажу»* (ПМА. 2010 г. Куприянова В.П.). *«А она, богородская трава, нервы успокаивает, головные боли убирает. Очень хорошая богородская трава»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

Как и белорусские или украинские крестьяне Сибири, семейские придавали значение числу трав (как правило, 30 или 40). *«У мене сестра заболела, вроде у ее большой испуг был, испугали ее. А мене сказали, навроде надо ей, тридцать собрать, ну я двадцать восемь нашла, а две – лиственничку отломила да березочку отломила. А больше не нашла. Может, где в другом бы месте больше было, а я на пустырь ходила»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Считалось, что целебной силой также обладала купальская роса [2 с. 199; 8, с. 81]. *«По травам-то ходили. Моя мама, бывало, по деревне-то пойдет, под Ивана, утром раненько собирала она траву.*

Она всегда говорила: “Мойтесь ей”. Сразу-то она мокрая, вот она такая лечебная» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.).

К Петрову дню, как называли День памяти апостолов Петра и Павла, семейские украшали дома цветами – полевыми или «с огорода», которые помещали на «божничку». С Петрова и до Ильина дня начинали заготавливать березовые веники. Информанты 1930-х – 1940-х гг. рождения вспоминали, как Петров день «отмечали» работой на колхозных полях или покосах, что ранее родители считали грехом, а после обеда праздник продолжали застольем: *«И Петрова отмечали. На покосе. А звенья-то были, назывались “бригада”, по 130 человек. Там такое гулянье было. И гармошку привозили, и гитары. Плясали»* (ПМА. 2010 г. Андриевская Н.Н.). На Петров день ориентировались в плане прогнозов относительно будущего урожая: считалось, что если хоть один дождь пройдет до этой даты, то все уродится хорошо. *«Если до Петрова дня намочит, то все вырастет, все будет. Если уж не намочит, ничего не будет»* (ПМА. 2010 г. Филиппова З.А.).

Почитали и отмечали память Св. Прокопия – «Прокопьевы дни», которых, как сообщали информанты, насчитывалось в июле месяце три. К одному из Прокопьевых дней было приурочено рыхление капусты (называлось «огребать капусту»). До настоящего времени соблюдается запрет делать это в более ранние сроки. *«Вот ко мне бабушка пришла, я ей говорю, что я капусту огребла пораньше. Она говорит: “Никогда до Прокопьевых дней не трогай, под Прокопьевы дни только надо ее огребать. Это червяк исть будет”»* (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Так же строго соблюдались запреты на работы в Ильин день, так как праздник считался «грозным». В этот день ожидали грозу, во время которой людей могло убить молнией, если они нарушили запрет и выходили на покос.

Этнокультурная память в меньшей степени сохранила информацию об осенней обрядности, что можно объяснить проводимыми в стране в 1920-х – 1930-х гг. социально-экономическими преобразованиями и курсом на разрушение традиционной картины мира крестьянства, создание «человека нового социалистического общества». Одновременно с уничтожением индивидуальных крестьянских хозяйств и внедрением добровольно-принудительной работы в колхозах власти проводили политику насильственной девальвации значения народных

обычаев, знаний и опыта, особенно связанных с религией. Пожилые люди из семейских только слышали от взрослых об обычае оставлять «бороду», «Илье на бороду». Однако в колхозах это не только не практиковалось, но, напротив, отрицалось, и весь урожай собирался до последнего зернышка. По утверждению Н.Н. Андриевской, в колхозах в день Св. Илии до обеда косили сено, но потом привозили угощение «с водкой» и «там на покосе гуляли, а вечером – домой» (ПМА. 2010 г. Овчинникова Р.С.). Таким образом, суть праздника в честь пророка Илии была подменена советской гулянкой.

Выводы

К концу XIX – первой трети XX вв. семейские проживали в Восточной Сибири уже дольше, чем в свое время их предки на территории бывшей Речи Посполитой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие элементы календарных обычаев обнаруживают сходство с обычаями сибиряков, не являвшихся старообрядцами, в том числе тех, кто называл себя чалдонами (название святочных ряженных, типы ряженных, масленичные катания, бега и пр.). По сибирскому обычаю жгли костры на местную Масленку, сопровождая это прыжками не только в качестве развлекательного действия, но и в качестве судьбоносных гаданий. Подобные факты позволяют говорить о бытовании в конце XIX – первой трети XX в. севернорусского и сибирского старожильческого пластов в традиционной культуре семейских р. Чикой, что особенно явственно проявилось в зимних и масленичных обычаях.

В весенне-летних обычаях и обрядах семейских р. Чикой (пасхальных, троичских, Иванова дня) в полной мере проявлялась культурная специфика данной группы, отражавшая белорусский (брянско-гомельский) этап ее этнической истории. В летней обрядности большое значение придавалось цветам и растениям, что отличало семейских от старожилов Сибири. С одной стороны, отсутствие массовых обливаний в Иванов день у семейских сближало их со многими земляками белорусских территорий и выделяло их на фоне других восточнославянских общностей Западной Сибири, у представителей которых такие обычаи были распространены. С другой стороны, на Иванов день семейские, в отличие от населения белорусских этнических территорий, не возжигали костров. Обычай разжигания небольших костров по

праздникам перед домами у семейских играл роль знака-приглашения в гости.

Семейские отличались от соседей-старожилов не только названием, старой верой и самобытными обычаями, но и социальными мифами о своем появлении в Сибири. Согласно историческим документам, эти группы русского народа, считающие себя в настоящее время старожилами, прибывали в Восточную Сибирь с небольшим разрывом по времени: одни, сибиряки (чалдоны), – с конца XVII в., вторые, семейские, – с 1760-х гг. [3, с. 8–9]. Однако чалдоны считали своих предков прибывшими по своей воле и говорили о себе как «вековечных», «пришлых с Дона». В то же время семейские, хотя и сохранили в памяти насильственные действия по переселению их предков в Сибирь (о том, что «прибыли откуда-то», говорят даже информанты 1910-х – 1920-х гг. рождения), не могли назвать исконных территорий их проживания.

Если принимать во внимание многоуровневый характер этнокультурной идентичности россиян, то наши полевые материалы свидетельствуют, что у семейских р. Чикой можно определенно констатировать преобладание семейской старообрядческой идентичности как варианта русской. Являясь носителями русского этнического самосознания, семейские сохранили в своей традиционной культуре элементы, имеющие украинское и белорусское происхождение.

Список ключевых информантов

- *Андриевская (в замужестве Михайлова) Наталья Никитьевна*, 1927 г.р., родилась в с. Барахоево, Красночикоийский р-н Читинской области (ныне Забайкальского края);
- *Куприянова (в замужестве Васильева) Василиса Пантелеймоновна*, 1928 г.р., родилась в с. Малоархангельское, Красночикоийский р-н Читинской области (ныне Забайкальского края);
- *Овчинникова (в замужестве Гаврилова) Раиса Сергеевна*, 1941 г.р., родилась в с. Нижний Нарым, Красночикоийский р-н Читинской области (ныне Забайкальского края). Проживала в с. Красный Чикой;
- *Сетова Анна Ермолаевна*, 1929 г.р., родилась и жила в с. Архангельское (Кочен), Красночикоийский р-н Читинской области (ныне Забайкальского края);
- *Филиппова (в замужестве Сидорова) Зинаида Андреевна*, ≈1935 г.р., родилась и жила в с. Архангельское (Кочен), Красночикоийский

р-н Читинской области (ныне Забайкальского края);

- Черепанова (в замужестве Негодяева) Вера Филатовна, 1918 г.р., родилась и жила в с. Архангельское (Кочен), Красночикоийский р-н Читинской области (ныне Забайкальского края).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2. С. 159–167.

2. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011.

3. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978.

4. Власова И.В. Поселения Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975. С. 21–47.

5. Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969.

6. Русские / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1997.

7. Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX вв.). Ч. 1. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск: Агро, 2002.

8. Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX в. (по материалам Новосибирской области). Ч. 2. Новосибирск: Агро-Сибирь, 2005.

REFERENCES

1. Abolina, L.A. and Fedorov, R.Yu., 2015. Osobennosti traditsionnoi kul'tury semeiskikh Zabaikal'ya [The features of the traditional culture of the Semeiskie in Transbaikalia], Vestnik

arkheologii, antropologii i etnografii, no. 2, pp. 159–167. (in Russ.)

2. Fursova, E.F. ed., 2011. Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoi kul'tury [Belarusians in Siberia: preservation and transformations of ethnic culture]. Novosibirsk: IAET SO RAN. (in Russ.)

3. Bolonev, F.F., 1978. Narodnyi kalendar' semeiskikh Zabaikal'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Folk calendar of the Semeiskie communities in Transbaikalia (second half of the XIXth – early XXth centuries)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

4. Vlasova, I.V., 1975. Poseleniya Zabaikal'ya [Settlements of Transbaikalia]. In: Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri. Ch. 2. Zabaikal'e. Novosibirsk: Nauka, 1975, pp. 21–47. (in Russ.)

5. Lebedeva, A.A., 1969. K istorii formirovaniya russkogo naseleniya Zabaikal'ya, ego khozyaistvennogo i semeinogo byta (XIX – nachalo XX v.). [Towards the history of the formation of Russian population in Transbaikalia, its economic and family life (XIXth – early XXth centuries)]. In: Etnografiya russkogo naseleniya Sibiri i Srednei Azii. Moskva: Nauka. (in Russ.)

6. Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. and Polishchuk, N.S. eds., 1997. Russkie [Russians]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Fursova, E.F., 2002. Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavjanskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviya (konets XIX–XX vv.) Ch. 1. Obychai i obryady zimne-vesennego perioda [Calendrical rites of the East Slavic population of Novosibirsk Oblast as a result of interethnic interaction (late XIXth – XXth centuries). Part 1. Seasonal rites of winter and spring]. Novosibirsk: Agro. (in Russ.)

8. Fursova, E.F. and Vasekha, L.I., 2005. Oчерki traditsionnoi kul'tury ukrainskikh pereselentsev Sibiri XIX – pervoi treti XX v. (po materialam Novosibirskoi oblasti). Ch. 2 [Essays on the traditional culture of Ukrainian settlers in Siberia in the XIXth – early XXth centuries (the case of Novosibirsk Oblast)]. Novosibirsk: Agro-Sibir'. (in Russ.)